

ЭКОНОМИКА

УДК 330 (045)

О ПРОЦЕССЕ ПРОИЗВОДСТВА КАК ОБЪЕКТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

РЫБАЛКИН Владимир Александрович,
доктор экономических наук, профессор,
Институт экономики и менеджмента Национального авиационного университета

ЯНЮК Эдуард Николаевич.,
старший преподаватель,
Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова

В статье обосновывается методологический подход к процессу производства (функционирующих производительных сил общества), как объекту политической экономии. Под этим углом зрения раскрывается роль и функции процесса производства в целом и отдельных его составляющих (труда орудий и предметов труда) в воссоздании общественной формы капиталистического способа производства, ее самозаперечення и становления посткапиталистического общества, как «постиндустриального», «информационного» общества, основу которого образует «экономика знаний».

Ключевые слова: процесс производства, политическая экономия, «экономика знаний»

Как известно, предметом политической экономии как науки является исследование общественной формы производства - исторически определённых производственных отношений и присущих им экономических законов во взаимосвязи с развитием производительных сил общества. Данное понимание предмета политической экономии является давно устоявшимся в научной среде и не вызывает возражений. Вместе с тем оно лишь указывает на наличие связи производственных отношений с производительными силами, но не высвечивает тот угол зрения, под которым должно изучаться развитие производительных сил как материальной, объективной основы эволюции самой общественной формы производства. Данный аспект предмета политической экономии не стал и объектом научных разработок. Поэтому, целью настоящей статьи является обоснование процесса производства в качестве объекта исследования политической экономии как органической составляющей её предмета. Процесс производства является процессом изготовления материальных благ, в котором взаимодействуют труд, орудие и предмет труда. В данном качестве производство является содержанием всякого исторически определённого производства и рассматриваемый безотносительно к его общественной форме выступает как «производство вообще», имеющее значение научной абстракции [2, с. 711]. Вместе с тем научно несостоятельным является отождествление процесса производства с его общественной формой [5, с. 456]. Смещение и отождествление общественной формы производства с самим производством имеет двоякие корни. В первом случае оно порождено незрелостью самой науки, когда экономическая форма ещё не «вышелушилась» в качестве собственного предмета политической экономии, ещё растворена в вещественном содержании производства. Во втором случае оно представляет собой сознательную апологию капитала [9, с. 66, 103].

Однако из того обстоятельства, что предметом политической экономии является исследование общественной формы производства, то есть исторически определённые отношения между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления благ вовсе не следует, что при анализе этих отношений возможно абстрагироваться от процесса производства (труда). Это подтверждает подход К. Маркса к процессу производства при исследовании им экономической формы капиталистического производства. Прежде всего К. Маркс прямо указывал на необходимость рассмотрения процесса труда в исследовании капитала [3, с. 188], подчёркивал, что оно не только должно предшествовать исследованию капиталистической формы [2, с. 735], но и включаться в её анализ. Наряду с этим, содержание экономических работ Маркса свидетельствует, что процесс производства по целому ряду линий определяет капиталистическую форму тем, что он, во-первых, включён в неё, во-вторых, воспроизводит её, и, в-третьих, является материальной основой её подрыва, самоотрицания. Рассмотрим эти моменты ближе.

Процесс производства включен в экономическую форму капитала в качестве ее вещественного содержания [7, с. 256-257]. Поэтому капиталистическое производство есть единство содержания / процесса труда / и формы / капитала / как совокупности капиталистических производственных отно-

шений [9, с. 154]. Исходной и всеобщей формой капиталистических отношений является стоимость. Поэтому капиталистическое производство, с одной стороны, есть процесс труда как процесс производства потребительной стоимости, а, с другой – производства стоимости [9, с. 69]. Стоимость обязана процессу труда прежде всего тем, что его результатом является потребительная стоимость, без которой невозможно существование стоимости. Однако процесс труда не создает стоимость так, как он создаёт потребительную стоимость. Именно потому, что результатом процесса труда является определённая потребительная стоимость, его непосредственным результатом не может быть стоимость, ибо последняя это не вещь, а общественное отношение. Вместе с тем стоимость своим существованием обязана процессу труда именно тем, что труд играет роль создателя субстанции стоимости. На трудовой теории стоимости, как известно, основана экономическая теория марксизма. Однако стоимость как свойство товара – это ещё не само капиталистическое отношение, а его зародыш, генетическая клеточка. Как капиталистическое отношение стоимость должна стать самовозрастающей стоимостью. Но в данное качество стоимость превращается лишь на основе включения простых моментов процесса труда, прежде всего рабочей силы, в сферу менового отношения. В отношениях между капиталом (капиталистами) и наёмным трудом (наёмными работниками) К. Маркс различает два акта: куплю-продажу рабочей силы и потребление данного товара. При этом второй акт он характеризует как процесс, качественно отличающийся от обмена – как существенно иную категорию [9, с. 53-54]. Этот акт есть использование рабочей силы, сам живой труд. Входя в процесс производства этот акт образует «целое специфическое экономическое отношение», обладающее «определённой экономической формой», не являющееся «безразличным к форме, выпадающим из формы» [9, с. 111]. Это – новое отношение, которое не содержится в первом акте обмена между трудом и капиталом. Существование этого отношения Маркс сводит к отношению господства и подчинения [9, с. 114]. Уже отсюда следует, что процесс труда с той стороны, с которой он включён в капиталистическую форму и в нём несёт в себе и воспроизводит не только стоимостное отношение, но и отношение господства и подчинения наёмного труда капиталу, не может не быть объектом политической экономии.

Однако процесс труда является объектом изучения последней и во всех других моментах, в каких он включён в экономическую форму и воспроизводит её. Прежде всего эти моменты исходят из включения в капитал живого труда как собственной потребительной стоимости капитала. Включение живого труда в капитал ближайшим следствием имеет сохранение труда, овеществлённого в других элементах процесса труда (орудиях и предметах труда), а потому сохранение их стоимости. Однако капитал не был бы капиталом, если бы процесс труда только сохранял стоимость. Поскольку капитал есть самовозрастающая стоимость (стоимость, приносящая прибавочную стоимость), постольку тайну самовозрастания стоимости, разрешения противоречия всеобщей формулы капитала (Д-Т-Д') возможно раскрыть только через взаимосвязь товарного обращения / прежде всего отношения купли-продажи рабочей силы / с процессом труда. Будучи включённым в капиталистическую форму, живой труд воспроизводит последнюю посредством сохранения старой и создания новой стоимости. При этом создание новой стоимости в условиях капитализма есть одновременно увеличение и возрастание стоимости. Увеличение и возрастание стоимости – явления не тождественные. В отличие от увеличения, возрастание стоимости – специфически капиталистическое явление, состоящее не в увеличении стоимости вообще, а в возрастании стоимости, авансированной на покупку рабочей силы. Возрастание стоимости имеет место лишь постольку, поскольку создаваемая наёмным рабочим новая стоимость превышает стоимость рабочей силы. Эта часть вновь созданной стоимости есть прибавочная стоимость, почему возрастание стоимости есть производство прибавочной стоимости.

В процессе производства капитал функционирует только со стороны потребительной стоимости простых моментов труда, а не со стороны их стоимости. Это прежде всего относится к личному фактору процесса производства: будучи в условиях капитализма товаром, рабочая сила наёмных работников входит в процесс труда не как стоимость данного товара, а как его потребительная стоимость, т.е. в качестве живого труда. Из этого следует, что потребительная стоимость товара рабочая сила (живой труд) является экономической категорией политической экономии капиталистического способа производства лишь с той стороны, с какой она включена в экономическую форму капитала и воспроизводит её посредством сохранения и возрастания авансированной стоимости. Поэтому если для сферы обращения живой труд как содержание потребительной стоимости товара рабочая сила оказывается безразличным, т.е. выпадающим из экономического определения формы, то для процесса труда «оно является существенным экономическим моментом самого определения формы» [8, с. 490].

Поскольку реальным бытием всякой потребительной стоимости является потребление последней, постольку существование товара как потребительной стоимости вообще выпадает из сферы обраще-

ния. Сферой, в которой осуществляется потребительная стоимость может быть только производительное и личное потребление. Поэтому сферой потребления товаров, в которой осуществляется сохранение и возрастание стоимости, является сам процесс труда. Отсюда следует, что потребительная стоимость не только товара рабочая сила, но также потребительная стоимость орудий и материалов труда является для политической экономии капиталистического способа производства экономической категорией с той стороны, с какой средства производства понятийно соотнесены с экономической формой капитала и воспроизводят её. К. Маркс отмечал, что связанность капитала как стоимости с потребительной стоимостью в сфере производства является важным моментом самой капиталистической формы [8, с. 144].

Принципиальное значение для определения подхода к потребительной стоимости как экономической категории вообще имеет положение К. Маркса о том, что «Потребительная стоимость сама играет роль экономической категории. Где она играет эту роль, вытекает из анализа рассматриваемых отношений» [8, с. 149-150]. С данных позиций орудие труда помимо своего естественного свойства быть средством производства благ, а также средством повышения производительности живого труда приобретает в условиях наёмного труда ещё одно особенное свойство – свойство сокращать необходимый труд и тем самым увеличивать прибавочный труд, прибавочную стоимость. Это особенное в условиях капиталистической формы свойство орудия труда становится его специфически капиталистической потребительной стоимостью.

Орудие труда, адекватное капиталистической форме – это система машин. В ней орудие труда не только со стороны своей стоимости, но и как потребительная стоимость «переходит в существование, адекватное основному капиталу и капиталу вообще...» [8, с. 203]. Переход к системе машин обуславливает превращение живого труда из главного агента производства лишь в придаток системы машин. Тем самым труд, овеществлённый в последней, уже *предметно* противостоит живому труду как силе, господствующей над ним и подчиняющей его себе посредством самого простого процесса производства. Поэтому в основном капитале, существующем в виде системы машин, отношение капитала как стоимости, присваивающей живой труд, наличествует в качестве отношения самой потребительной стоимости /системы машин/ к потребительной стоимости рабочей силы. Следовательно, своё понятийно завершённое состояние в качестве включённого в капитал, подчиненного капиталу и воспроизводящему капитал, простой процесс производства как взаимодействие движущихся в нём потребительных стоимостей получает лишь с переходом капитала к системе машин.

С той стороны, с какой система машин соотнесена с капиталистической формой, потребительная стоимость системы машин включена в экономическую форму капитала двояко: поскольку она сама имеет стоимость и поскольку она служит средством увеличения относительной прибавочной стоимости. Однако система машин обладает способностью увеличивать не только относительную, но и абсолютную прибавочную стоимость, поскольку применение машин уменьшает, по выражению К. Маркса, поры труда, т.е. увеличивает количество труда в единицу времени. Система машин приносит изменение и в движение труда, овеществлённого в материале труда, поскольку обуславливает поглощение в единицу времени большей массы сырого материала. Тем самым возрастает скорость обращения оборотного капитала, что ведёт к росту прибавочной стоимости. Таким образом, система машин с её предметной, вещественной стороны в качестве специфически капиталистической потребительной стоимости не находится “по ту сторону” экономической формы капитала. Напротив, она соотнесена с последней как по линии увеличения относительной и абсолютной прибавочной стоимости, так и по линии роста нормы прибавочной стоимости. Однако как ни важна роль системы машин для самовозрастания стоимости, не менее значима она для утверждения и воспроизводства самой формы капиталистического производства, её предела и самоотрицания. Именно система машин является той материальной силой, посредством которой капиталистическое отношение воспроизводится в рамках самого процесса труда. В условиях процесса труда, покоящегося на ручной орудийной технике, живой труд подчиняется капиталу только со стороны его /капитала/ формы, т.е. отношения найма, купли-продажи рабочей силы. Поэтому здесь экономическое бытие рабочего ещё не подчинено самовозрастанию стоимости как единства сфер обращения и производства. В этих условиях в самом процессе труда капитал с его вещественной стороны ещё оказывается подчинённым живому труду, наёмному работнику и фигурирует только формально, т.е. только как капиталистическое отношение.

Существенный момент в развитии капиталистического производства состоит в подчинении живого труда труду овеществлённому. Носителем последнего становится система машин. В ней сам труд становится капиталом: опредмечиваясь в машинах, овеществлённый труд в его социальном бытии как собственность капиталиста (индивидуального или коллективного) противостоит живому труду как капитал. Теперь не только капиталистическое отношение /отношение купли-продажи рабочей

силы/, но уже сам процесс труда подчиняет себе труд наёмного рабочего, превращая последнего в придаток машины. Формальное подчинение труда капиталу перерастает в реальное подчинение – в подчинение труда не только капиталистической форме, но и содержанию капиталистического производства. Технологический способ производства, основанный на системе машин (реального подчинения труда капиталу), отражается понятием «индустриальное производство», а общество, базирующееся на последнем – понятием «индустриальное общество».

Качественные изменения, происходящие в процессе труда под воздействием экономической формы капитала не ограничиваются только дополнением формального подчинения труда капиталу реальным подчинением. Они обуславливают исключительной значимости для судеб капитала момент – момент его собственного предела, исторической ограниченности, самоотрицания. Капитал как самовозрастающая стоимость существует лишь в отношении к необходимому труду: чтобы впитывать прибавочный труд он должен постоянно вызывать к жизни необходимый труд. Поэтому капитал есть одновременно полагание и отрицание необходимого труда. Это внутреннее противоречивое свойство – возрастая посредством уничтожения основы своего возрастания – капитал находит в системе машин.

Сокращение необходимого рабочего времени и потому уменьшение стоимости рабочей силы как следствие роста производительности общественного труда на основе перехода к машинному способу производства достигается также посредством низведения сложного труда к простому машинному труду посредством вообще вытеснения живого труда из непосредственного процесса производства и замены его машиной, в силу чего «необходимый труд непосредственно превращается здесь в излишний – в перенаселение, коль скоро он не требуется для того, чтобы доставлять прибавочный труд» [9, с. 548]. Подтверждением этому служит статистика занятости в развитых капиталистических странах. В частности, в США в 70-80-е годы 20 столетия количество работников, занятых непосредственно в производственных операциях, сократилось до 12 процентов, а весь фабричный пролетариат составлял не более 17 процентов трудоспособного населения [11, с. 28].

Собственный предел капитала полагается процессом труда и по другой линии – по линии его обобществления. В условиях машинного способа производства единичный труд как таковой вообще перестаёт быть производительным, а, наоборот, является производительным лишь в рамках совместного труда многих. В этих условиях осуществляется превращение труда в непосредственно общественный труд, низвержение единичного труда до состояния беспомощности по отношению к представленной в капитале, сконцентрированной в нём совместности [10, с. 208].

Развитие машинного способа производства, имеющее своим следствием обобществление труда, обуславливает историческую ограниченность (собственный предел) капиталистической формы также по линии отрицания товарного производства и, следовательно, стоимости как генетически исходной и всеобщей формы капитала. Товарное производство порождается общественным разделением труда, развившимся до экономического обособления производителей друг от друга в форме частной собственности. Именно как адекватное обособленному производству, товарное производство подрывается кооперацией труда, обобществлением производства, покоящихся на системе машин – машинный способ производства устраняет независимый, обособленный труд, т.е. тот тип общественного разделения труда, который находит своё выражение в производстве продуктов как товаров, имеющих наряду с потребительной стоимостью также стоимость. Подрыв данного типа общественного разделения труда означает отрицание товарного производства, стоимости и прибавочной стоимости, а потому и самой капиталистической частной собственности.

Обобщая диалектику самоотрицания капиталистической частной собственности, капитала, капитализма как такового, К. Маркс пишет: «Капиталистический способ присвоения, вытекающей из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство с необходимостью естественного процесса порождает своё собственное отрицание. Это – отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижения капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землёй и произведёнными самим трудом средствами производства. Превращение основанной на собственном труде раздробленной частной собственности отдельных личностей в капиталистическую, конечно, является процессом гораздо более долгим, трудным и тяжёлым, чем превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность...» [3, с. 773].

Отрицание капиталистической частной собственности осуществляет сам капитал, организованный и функционирующий в форме акционерной собственности, которая естественно возникает и раз-

вивается в процессе формирования индустриального (машинного) способа производства и является адекватной последнему. По К. Марксу капитал, который сам по себе базируется на общественном способе производства, в акционерных обществах получает «непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям. Это – упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства» [4, с. 479]. Именно в акционерных обществах К. Маркс видел «необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность разъединённых производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственно общественную собственность» [4, с. 480] и потому считал, что акционерная форма капитала это «... самая совершенная форма (приводящая к коммунизму)» [6, с. 480].

Свой завершённый вид развитие индустриального способа производства получает в автоматизированных системах машин, оснащённых искусственным интеллектом – информационными программами, которыми управляются все технико-технологические процессы производства. В своей сущности автоматизированные системы машин, функционирующие в экономической форме основного капитала, являются овеществленным, опредмеченным знанием как продуктом научной деятельности, в силу чего само знание, наука являются непосредственной производительной силой, революционизирующей процесс производства в целом и все его составляющие элементы. На данную роль науки, знания указывал ещё К. Маркс. В частности, в «Капитале» он пишет: «Принцип машинного производства – разлагать процесс на его составные фазы и разрешать возникающие таким образом задачи посредством применения механики, химии и т.д., короче говоря, естественных наук, – повсюду становится определяющим» [3, с. 472]. Эту же мысль, но в более развёрнутом виде, К. Маркс в своих «Экономических рукописях» излагает так: «Природа не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа... Всё это – продукты человеческого труда, природный материал, преобразованный в органы человеческой воли, которая господствует над природой, или человеческой деятельности в природе. Всё это – созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания» [8, с. 215]. И далее: «Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание ... превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда – показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним» [8, с. 215].

Идея К. Маркса о знании как непосредственной производительной силе получила своё развитие в современной теории «экономики знаний» как наиболее значущей составляющей концепции «посткапиталистического», «постиндустриального», «информационного» общества, представленного в работах Д. Белла, П. Дракера, М. Мэлоуна, П. Пильцера, О. Тоффлера, Л. Туроу, Т. Сакайи, Т. Стюарта, М. Хардта и А. Негри, Л. Эдвинсона, других современных ученых Запада. Общей парадигмой теории «экономики знаний» является обоснование принципиально нового качества самого процесса и продукта производства, основанного на использовании научных знаний. В рамках данной парадигмы знание трактуется как: средство производства; основной сырьевой ресурс; определяющее звено производственного процесса; наиболее значущий объект собственности, порождающий новый тип собственности; главная форма общественного богатства. Так, П. Дракер, определяя работников, владеющих знаниями («интеллектуальным капиталом») понятием *knowledge worker*, подчёркивает, что такие работники «владеют средствами производства: ими являются их знания» [14, с. 47]. Как считает О. Тоффлер, если для индустриального общества главным материальным объектом собственности была земля, строения, машины, средства промышленного производства, то в настоящее время, когда США переходят к информационному обществу, основой собственности становится невещественная субстанция – знания, информация. Важнейшей её характеристикой является то, что она становится общим общественным достоянием – превращается в общую духовную собственность, поскольку каждый может пользоваться ею. Более определённо эту мысль О. Тоффлер формулирует так: «наиболее значущая форма собственности ныне неощутима. Она надсимволична. Это – знания. Они могут быть использованы многими людьми одновременно для создания благосостояния и для производства нового знания» [12, с. 503]. Данная трактовка знания, являющегося продуктом интеллектуального труда (деятельности), подводит к его пониманию как объекта одновременно индивидуальной и общественной собственности. Поэтому в процессе перехода к постиндустриальному обществу расширение ареала интеллектуальной деятельности, порождающей знания как её продукт, равнозначно становле-

нию исторически нового типа собственности – индивидуально-общественной собственности, отрицанию частной собственности.

Органической составляющей «экономики знаний» является трактовка творческой деятельности (труда) как сферы и средства формирования через самую себя творческой личности. В данном контексте М. Хардт и А. Негри главным результатом творческого труда считают не столько «производство для других» (производство материальных благ), сколько «производство субъективного», «производство самого себя» [13, с. 89-90]. Ту же мысль высказывает В. Иноземцев, полагая, что главным продуктом производства в постиндустриальном обществе становится «сам творческий субъект, его усовершенствованные способности» [1, с. 96]. Не трудно увидеть, что данные характеристики творческого труда и творческой личности как исторически нового субъекта производства в посткапиталистической экономике принципиально не отличаются от характеристики труда и личности в коммунистическом обществе. Как известно, марксизм исходит из того, что экономической основой коммунизма, приходящего на смену капитализму, является труд не как необходимость «заработать на жизнь» или как «средство к жизни», а труд как первая жизненная потребность человека в реализации своих способностей, т.е. творческий труд, приносящий удовлетворение в самом себе и потому не требующий внешних стимулов – заработной платы и т.п. Поэтому и личностная форма богатства, адекватная такому труду, является, по К.Марксу, ничем иным, как «универсальностью способностей», «абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т.е. развития всех человеческих сил, как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу» [7, с. 476].

Завершающим звеном анализа роли процесса производства в эволюции его общественной формы является выявление зависимости сущностных свойств личного фактора производства от технологического способа производства. В своей основе данная зависимость состоит в подчинении формирования личного фактора производства технологическому способу производства. Это означает, что технологический способ производства и определяемый им характер и содержание труда формирует личный фактор производства «под себя» – соответственно своим сущностным свойствам. Именно поэтому экономике, базирующейся на индустриальном способе производства, адекватным является «частичный», односторонне развитый работник, тогда как для постиндустриальной экономики – универсально развитая личность как субъект творческого труда. Зависимость личного фактора производства от характера труда, определяемого технологическим способом производства, присуща всем историческим эпохам в развитии общества и поэтому является общим экономическим законом. Изложенное в статье подводит к таким основным выводам: *во-первых*, без исследования содержания и тенденций развития процесса производства в целом и его составляющих (труда, орудий и предметов труда) невозможно познать ни основную линию движения самой общественной формы производства (её генезис, развитие и самоотрицание), ни её функционирования, ни её внутренней структуры, что и образует собственно предмет политической экономии как науки; *во-вторых*, без рассмотрения эволюции процесса производства как объективной, материальной основы всякого исторически определённого, в т.ч. капиталистического, способа производства, невозможно познать и понятийно определить сущностные характеристики производственных отношений качественно нового общества, идущего на смену капитализму и названного К. Марксом и Ф.Энгельсом коммунистическим обществом, а современными западными исследователями – посткапиталистическим, постиндустриальным, информационным обществом, обществом знаний. Отсюда, *в-третьих*, следует, что познание производственных отношений (общественной формы) всякого исторически определённого способа производства должно сопровождаться исследованием процесса производства (простого процесса труда), что и определяет последний в качестве *объекта* политической экономии. Данный вывод адекватен формуле предмета политической экономии как науки, изучающей производственные отношения в связи с развитием производительных сил, поскольку процесс производства есть ничто иное, как функционирующие производительные силы общества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Иноземцев В. За пределами экономического общества. – М.:Academia-Наука, 1999. – 576 с.
2. Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857-1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 12. – С. 709-738.
3. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. I: Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23 – С. 43-786.

4. Маркс К. Капитал. Т. 3. Кн. III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 25. – Ч. 1 – С. 3-506.
5. Маркс К. Капитал. Т. 3. Кн. III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 25. – Ч. 2 – С. 3-486.
6. Карл Маркс – Фердинанду Лассалю в Берлин (28 марта 1859 г.) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 29. – С. 478-481.
7. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 3-467.
8. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 46. – Ч. 2. – С. 3-481.
9. Маркс К. Экономические рукописи 1861-1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 47 – С. 3-568.
10. Маркс К. Капитал. Кн.1, Раздел 6: Результаты непосредственного процесса производства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 49. – С. 3-457.
11. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В.Л.Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 627 с.
12. Тоффлер О. Метаморфозы власти. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 669 с.
13. Хардт М., Негри А. Множество. Война и демократия в эпоху империи. – М.: Культурная революция, 2006. – 559 с.
14. Drucker P. Post – Capitalist Society. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006, – 377 p.

Рибалкін В. О., Янюк Е. М. Про процес виробництва як об'єкт політичної економії / Інститут економіки і менеджменту Національного авіаційного університету, Національний педагогічний університет ім. М.П. Драгоманова.

У статті обґрунтовується методологічний підхід до процесу виробництва (функціонуючих продуктивних сил суспільства), як об'єкту політичної економії. Під цим кутом зору розкривається роль та функції процесу виробництва у цілому і окремих його складових (праці, знарядь і предметів праці) у відтворенні суспільної форми капіталістичного способу виробництва, її самозаперечення та становлення посткапіталістичного суспільства, як «постіндустриального», «інформаційно-го» суспільства, основу якого утворює «економіка знань».

Ключові слова: процес виробництва, політична економія, «економіка знань»

Ribalkin V. O., Yanuk E. M. About the process of production as the object of political economics / Management and economics insitute National Aviation University, National Pedagogical Dragomanov University.

The article deals with the methodological approach to the process of production (the functioning productive force of a society) as to object of political economy. From this point of view the author reveals the role and of its functions of production process in general and of its components (labour, tools and instruments of lab our) in the capitalist mode of production, its self- denial and formation, of the postcapitalist society as postindustrial, information society, which basis is formed by the “Knowledge economy”.

Key words: the process of production, political economy, the “Knowledge economy”